
МОРФОЛОГИЯ

УДК 811.512

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-62-75

Функционально-семантическое поле «Время» в тувинском и монгольских языках (система настоящего времени)

Б. Ч. Ооржак

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Анализируются особенности языковой репрезентации значения настоящего времени в грамматических системах тувинского и монгольских языков – халха-монгольского, бурятского и калмыцкого. Выявлены типологические значимые семантические соответствия в национальных моделях концептуализации настоящего времени: значение настоящего актуального времени осложнено эвиденциальным компонентом засвидетельствованности действия; значение общего настоящего времени включает компоненты длительности действия; на базе значения длительности формируется семантика вне-временности; формы, передающие значение настоящего общего времени, могут выражать также будущее время; формы, исторически выражавшие общее значение непрошедшего времени, в современных языках показывают разную степень специализации в сторону будущего времени.

Ключевые слова

тувинский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, функционально-семантическое поле времени, настоящее время, грамматические показатели, временные формы

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (2023–2025 гг., руководитель – Ж. М. Юша).

Для цитирования

Ооржак Б. Ч. Функционально-семантическое поле «Время» в тувинском и монгольских языках (система настоящего времени) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 62–75. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-62-75

© Б. Ч. Ооржак, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

Functional and semantic field “Tense” in Tuvan and Mongolian languages (Present tense system)

B. Ch. Oorzhak

Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article examines how the present tense is linguistically represented in Tuvan and Mongolian languages, specifically Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk, focusing on the unique aspects of this representation. The expression of present tense temporal values shows typological semantic correspondences among the compared languages. Actions and events in the present tense revolve around the moment of speech. The incorporation of fragments from both past and present extends the sphere of the present. The utilization of the present tense can indicate two main aspects. Firstly, it signifies the continuous progression of an action extending from the past to the future. Secondly, it reveals the incompleteness of the action in this context. The present tense can surpass the constraints of time and embody values that are considered timeless. The speaker directly observes the present tense actions, thus actualizing them, with some traces of the historical undifferentiation of the spheres of the present and future time still remaining. To summarize, the present tense in Tuvan and Mongolian languages can be described by the following linguistic features. (1) Adding an evidential component to the present tense makes its meaning more intricate. (2) Aspects of aspectuality are inherent in the common present tense. (3) Timelessness is derived from the aspectual meaning of duration. Modern languages retain elements of the historical blending of present and future tenses, which originally conveyed a general sense of the non-past, but now exhibit varying degrees of specialization towards the future tense.

Keywords

Tuvan language, Khalkha-Mongolian language, Buryat language, Kalmyk language, functional and semantic field of tense, present tense, grammatical indicators, tense forms

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659 “The Turkic-Mongolian world of Central Asia: linguistic, historical, ethnocultural processes in diachrony and synchrony” (2023–2025, under the leadership of J. M. Yusha).

For citation

Oorzhak B. Ch. Functional and semantic field “Tense” in Tuvan and Mongolian languages (present tense system). *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 62–75. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-62-75

Введение

Интерес к исследованию исторических отношений и вопросов о генетическом родстве монгольских и тюркских языков был и является актуальным [Владимирцов 1911; Санжеев 1964; 1973; Баскаков 1981; Рассадин 1995, 2007, 2008; Тенишев 1997; и др.]. Отмечается, что количество монгольских и тюркских общих элементов в грамматике достигает 50 %, в лексике – 25 % [Котвич 1962: 351].

Языковые связи тувинского и монгольских языков изучались преимущественно с точки зрения сравнительно-исторического и сравнительного языкознания [Татаринцев 1976; Бадарч 2020; Саая, Баярсайхан 2021]. Рассмотрение тувинского и монгольских языков актуально также и с позиции современной антропоцентрической парадигмы. Общность истории, духовной и религиозной культуры, уклада жизни влияет на формирование представлений человека о мире. Материалы данных языков на современном этапе показывают определенную общность выражаемых значений в лексике и грамматике при материальном различии их проявления. И по нашему глубокому убеждению, грамматические показатели, в которых в самом «концентрированном» и синтезированном виде содержатся скрытые языковые смыслы и отношения, являются наиболее выпукло представления о мире того или иного народа, и именно грамматическая система языка показывает особенности концептуализации знаний о мире. Такой взгляд на модальные грамматические системы глагола в тюркских и монгольских языках представлен в статье Б. Ч. Ооржак [2021].

Целью данной статьи является анализ особенностей языковой репрезентации значения настоящего времени как фрагмента реальности в грамматических системах тувинского и мон-

гольских языков. Основой для сопоставительного анализа и выявления семантических принципов организации настоящего времени послужили исследования по тувинскому языку Б. Ч. Ооржак [2014]. Анализ проводится на материале тувинского, халха-монгольского, калмыцкого и бурятского языков. Материал по монгольским языкам получен из имеющихся описаний данных языков.

1. Функционально-семантическое поле настоящего времени в тувинском и монгольских языках

1.1. Всякое действие, явление, состояние, имеющие место в объективной реальности, связаны с непрерывным течением физического времени, в котором события находятся в постоянном движении. Язык концептуализирует, упорядочивает восприятие реального времени по отношению к условному моменту – моменту речи как прошедшее, настоящее и будущее. Языковое время определяется как грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении [ЛЭС 1990: 89].

Настоящее время характеризуется как определенный отрезок времени, включающий момент речи: актуализируется сам факт наличия того или иного действия в момент речи. Или время действия в настоящем охватывает более или менее обширное временное пространство вокруг момента речи, включая отрезки прошлого и будущего. Само действие в настоящем времени может представляться как длительный поток продолжающегося процесса либо некоторое повторяющееся действие. Представление о наличии действия в настоящем времени говорящий может получить как непосредственно в результате собственного наблюдения и участия, так и другими органами чувств. Поэтому значения форм, входящих во временную систему тувинского языка, являются комплексными, совмещающими в той или иной степени временные, аспектуальные и эвиденциальные значения [Ооржак 2014: 18]. Поэтому в современных тюркских языках временные системы являются многочленными, выделяется по несколько форм в каждой временной сфере: прошедшего (до 5–6 ед.), настоящего (2–3 ед.) и будущего (1–2 ед.).

Системы времен современных монгольских языков также включают временные и аспектуальные характеристики [Дарбеева 1997: 46; Пюрбеев 1997: 80; Яхонтова 1997: 117]. При меньшем количестве временных показателей в монгольских языках по сравнению с тюркскими, обнаруживается обширная система причастий, одним из свойств которых является (как и в тюркских), финитная функция и выражение времени действия. Поэтому при описании временных значений настоящего мы учитываем также значения форм монгольских причастий.

1.2. В сфере настоящего времени в тувинском языке выделяются сложные формы, восходящие к аналитическим формам аспектуального типа, тогда как в монгольских языках настоящее время выражается преимущественно синтетическими формами, а единственный аналитический показатель имеет тенденцию к синтезации.

План настоящего времени в тувинском языке включает три формы, состоящие из форм деепричастий и вспомогательных глаголов: 1) форма настоящего актуального времени на $=n$ *тур* = $\emptyset$ / *олур* = $\emptyset$ / *чор* = $\emptyset$ / *чыдыр* = $\emptyset$; 2) форма настоящего общего времени на $=n$ *турар* / *олурар* / *чорур* / *чыдар*; 3) эвиденциальная форма настоящего времени на $=a$ -дыр. Первыми компонентами выступают две формы деепричастия: слитное ($=a$ / $=\dot{y}$) и соединительное ($=n$). В качестве вторых компонентов используются вспомогательные глаголы, восходящие к глаголам позиции или способа нахождения в пространстве: *тур* = ‘стоять’, *олур* = ‘сидеть’, *чыт* = ‘лежать’, а также глагол движения или перемещения в пространстве *чор* = ‘идти, быть в движении’. Образование данных форм имеет разную хронологию: предположительно форма на $=a$ -дыр / $=\dot{y}$ -дыр / $=e$ -дир / $=u$ -дир, более синтезированной в этом ряду, возникла раньше. Элемент *-дыр*, который в современном тувинском языке стал уже частицей, представляет собой грамматикализованный глагол *тур* = ‘стоять’ [Насилов 1976: 45, 48]. Две последние формы, сохраняющие аналитизм, произошли сравнительно поздно.

Формы настоящего актуального времени образованы на базе «чистых» основ вспомогательных глаголов *тур* = ‘стоять’, *олур* = ‘сидеть’, *чор* = ‘идти, быть в движении’, кроме вспомогательного глагола *чыт* = ‘лежать’, который оформлен узким вариантом формы настоящего-будущего времени на $=p$ / $=ap$ / $=ыр$ / $=ур$ / $=ур$ / $=ур$ – *чыдыр* =. При этом вспомогательные глаголы в составе форм настоящего общего времени имеют при себе

остальные широкие варианты формы настоящего-будущего времени на =р. Узкие и широкие варианты могут дифференцироваться и участвовать в формировании разных грамматических форм [Ширалиев 1997: 165]. Особое оформление вспомогательного глагола чыд=ыр и чыд=ар в структуре форм настоящего времени «говорит в пользу того, что глагол чыт= позже остальных бытийных глаголов втянулся в систему времени тувинского языка» [Ооржак 2014: 102].

Общeturкская синтетическая форма настоящего-будущего времени на =р выступает основной самостоятельной формой будущего времени, в определенных контекстах она передает значение настоящего общего времени. На периферии зоны настоящего времени функционирует также форма прошедшего-настоящего времени на =бышаан / =бишаан / =вышаан / =вишаан / =нышаан / =пишаан, выражающая действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в настоящее время.

1.3. Значение непроедшего времени в древних монгольских языках передавалось формами на =м / =муи и =нум [Орловская 1997: 24; Пюрбеев 2012: 133–134]. Исследования показывают, что в современных монгольских языках форма на =м / =муи осталась только в могольском, монгорском и баонском языках в качестве формы будущего времени, а основной формой настоящего-будущего времени выступает форма на =на / =нам. Она является полисемантической и передает значения будущего, настоящего общего и настоящего актуального времен [Санжеев 1964: 187]. В сфере настоящего времени функционирует также аналитическая форма, образованная на базе соединительного деепричастия на =ж и вспомогательного глагола бай= ‘быть’ [Тодаева 1951: 106; Дарбеева 1997: 44; Пюрбеев 1997: 81].

Кроме того, в сфере настоящего времени выделяются причастные формы: в халха-монгольском и бурятском – =даг / =дэг / =дог [Бадмаева 2011: 82], в калмыцком – =дг [ГКЯ 1983: 212]. В калмыцком и халха-монгольском языках отмечаются также формы на =а / =э и =аа / =гаа, которые передают длительное действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в момент речи [Там же]. Причастие на =ха / =х в бурятском и калмыцком языках выделяется как показатель настоящего-будущего времени, в халха-монгольском – как форма причастия будущего времени [Санжеев 1964: 198].

2. Сфера настоящего времени в тувинском языке

Значения настоящего времени в тувинском языке могут передаваться пятью формами.

2.1. Форма настоящего актуального времени на =п тур= / олур= / чор= / чыдыр= употребляется для выражения действия, наблюдаемого говорящим в момент речи. Например:

(1) Бажыңның хоолайындан ыш үнүп тур.

бажың=ның хоолай=ын=дан ыш {үн=үп тур}
дом=GEN труба=POSS.3=ABL дым {выходить=CV AUX:стоять.PR.3}
‘Из трубы дома выходит дым.’

(2) Бажың мурнунда хүннээрэкте кырган-авам дааранып олур.

бажың мурнун=да хүннээрэкте кырган=авам
дом перед=LOC освещенное солнцем место=LOC бабушка=POSS.1
{дааран=ып олур}
{шить=CV AUX:сидеть.PR.3}
‘На солнышке перед домом бабушка сидит-шьет.’

(3) Бедикте көк дээрде ак-ак булуттар көжүп чор.

бедик=те көк дээр=де ак-ак
высота=LOC синий небо=LOC белый-белый
булут=тар {көж=үп чор}
облако=PL {кочевать=CV AUX:идти.PR.3}
‘Высоко в синем небе плывут белые облака.’

(4) Дуңмам удуп чыдыр.

дуңма=м {уд=уп чыдыр}
братик=POSS.1 {спать=CV AUX:лежать.PR.3}

‘Мой братик спит.’

2.2. Настоящее общее время на =*n турар / олурар / чоруур / чыдар* обозначает весь спектр длительных временных оттенков, включающих момент речи и границы, раздвигающие его до определенных пределов. Поэтому можно говорить о настоящих неактуальных временах, которые выражают обычные действия и процессы:

(5) *Оглум ийи класста өөренип турар.*

огл=ум ийи класс=та {өөрен=ип тур}=ар
сын=POSS.1 два класс=LOC {учиться=CV AUX:стоять}=PR.3
‘Мой сын учится во втором классе.’

(6) *А хөлдүң үстүү ужун ийи кадарчы ээлеп олурар.*

а хөл=дүң үстүү уж=у=н ийи
а озеро=GEN верхний сторона=POSS.3=ACC два
кадарчы {ээ=ле=п олур}=ар
скотовод {хозяйин=VBLZ=CV AUX:сидеть}=PR.3
‘А на верхней части озера два скотовода хозяйничают.’

(7) *Мен дуңмаларымга кандыг-даа таварылгада дузалап чоруур мен.*

мен дуңма=лар=ым=га кандыг-даа
я брат=сестра=PL=POSS.1=DAT любой
таварылга=да {дуза=ла=п чору}=ур мен
ситуация=LOC {помощь=VBLZ=CV AUX:идти}=PR 1
‘Я помогаю своим братьям и сестрам в любой ситуации.’

(8) *Хар эрип чыдар.*

хар {эри=п чыд}=ар
снег {таять=CV AUX:лежать}=PR.3
‘Снег тает.’

2.3. Настоящее эвиденциальное время на =*a-дыр / =e-дир / =u-дир / =ы-дыр / =у-дур / =ү-дур / =й-дир* передает представление о том, что сообщаемая информация получена из аудио-визуальных источников: то или иное действие субъекта в момент речи находится в поле зрения говорящего (пример 9) или доступно слуховому восприятию (пример 10) (см. об этом подробнее в [Ооржак 2014: 105–111]):

(9) *Кедээр даг баарында аъттыг кижиге көстү-дүр.*

кедээр даг баарында аът=тыг кижиге көст=ү-дүр
вдалеке гора перед конь=POSSV человек виднеться=PR.3
‘Вдалеке под горой виднеется всадник.’

(10) *Аргада дүнеки куш эде-дир.*

арга=да дүнеки куш эд=е-дир
лес=LOC ночной птица кричать=PR.3
‘В лесу кричит (слышно) ночная птица.’

2.4. Формой настоящего-будущего времени на =*r / =ar / =ыр / =ур / =ур / =үр* передаются два значения: настоящего общего времени (пример 11) и вневременного действия (пример 12):

(11) *Эртенги үеде авазы инек саап чоруптарга, беш-алды харлыг уруглары өгге отту салыр.*

эртенги үе=де авазы инек {са=ап
утренний время=LOC мать=POSS.3 корова {доить=CV
чор=упт=ар=га} беш-алды хар=лыг уруг=лар=ы
AUX:идти=PFV=PF=DAT} пять-шесть год=POSSV ребенок=PL=POSS.3
өг=ге от=ту сал=ыр
юрта=DAT огонь=ACC разжигать=PR.FUT.3

‘Когда утром мать уходит доить коров, пяти-шестилетние дети (обычно) разжигают в юрте огонь.’

(12) *Аалга кирген кижиг аяк эриг ызырар, арга кирген кижиг саат дайнаар* (посл.).

аал=га кир=ген кижиг аяк эри=и ызыр=ар
 аал=DAT заходить=PP человек пиала край=POSS.3 кусать=PR.FUT.3
 арга кир=ген кижиг саат дайна=ар
 лес заходить=PP человек смола жевать=PR.FUT.3
 ‘Зашедший в юрту чай пьет, пошедший в лес смолку жуёт.’

2.5. Формой на =*бышаан* / =*бишаан* / =*вышаан* / =*вишаан* / =*пышаан* / =*пишаан*, которая передает длительное действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в настоящее время, выражается связь настоящего со сферой прошедшего времени. Например:

(13) *Даштын хар чагбышаан*

даштын хар чаг=бышаан
 снаружи снег идти=PAST.PR.3
 ‘На улице все еще идет снег.’

Поле настоящего времени в тувинском языке основано на базовом значении времени, совпадающем с моментом речи и включающем момент речи. Особенностью тувинского языка является наличие характеристик аспектуальности и эвиденциальности, а также семантика вневременности, формирующаяся на основе значения длительного (обычного) настоящего времени. Семантическая связь настоящего времени с будущим передается формой настоящего-будущего времени на =*р*, с прошедшим – формой на =*бышаан*.

3. Сфера настоящего времени в монгольских языках

3.1. В монгольских языках настоящее актуальное время или время действия в момент речи передается аналитической формой на =*ж байна* (х.монг.), =*жа байна* (бур.), образованной на базе деепричастия на =*ж* и вспомогательного глагола *бай*= ‘быть’. В калмыцком языке она синтезировалась в форму на =*жана*¹ [Тодаева 1951: 106; Дарбеева 1997: 44; Пюрбеев 1997: 81]:

(14) х.монг. *Бид эгчидээ очхыг хүсэж байна.*

бид эгч=ид=ээ очх=ыг {хүсэ=ж бай=на}
 мы сестра=DAT=POSS.3 ехать=ACC {хотеть=CV AUX:быть=PR}
 ‘Мы хотим поехать к своей сестре’ [Тодаева 1951: 106].

(15) бур. *Эжы ном уншажа байна.*

эжы ном {унша=жа бай=на}
 мама книга {читать=CV AUX:быть=PR}
 ‘Мама читает книгу’ [Цыдендоржиева 2016: 50].

(16) калм. *Не, харһсчнь нанд йир сэн болжана* [КНК, ЭК, ЫХ].

не харһ=сн=чнь нан=д йир сэн бол=жана
 ну встречаться=PP=POSS.2 я=DAT очень хорошо AUX:быть=PR
 ‘Ну, то, что ты встретился, мне очень приятно (букв.: хорошо)’ [Абдуллаев 2021: 9].

¹ Ц. Б. Будаев со ссылкой на записи Г. Ф. Миллера указывает, что в XVIII в. калмыцкая форма настоящего времени на =*жана* была еще аналитической: *хараджиг байна* ‘видит’, *ябаджиг байна* ‘ходит’ и т. д. Он отмечает, что в современных булагатских говорах бурятского языка прослеживается тенденция к синтезации показателя настоящего времени на =*жа байна*; наблюдается его параллельное употребление как в аналитической форме (*хуужа байна* ‘сидит’), так и в синтетической (*хуужайна* ‘сидит’) [Будаев 1992: 81]. В южных диалектах бурятского языка, например в речи южноселенгинских и тункинских бурят, произошла синтезация данной формы [Будаев 1992: 81–82; Абашеев 1965: 24]. Но в бурятском литературном и халха-монгольском языках тенденции к синтезации нет [Будаев 1992: 81–82].

Семантика бурятской аналитической формы на =жа байна описывается следующим образом: «При аналитической форме настоящего времени (*хаража байна*) фиксируется внимание на момент совершающегося действия, очевидцем которого является говорящий» [Дарбеева 1997: 44]. В калмыцком языке эта форма обозначает также будущие действия [ГКЯ 1983: 212].

3.2. Во всех монгольских языках имеется полисемантическая форма настоящего-будущего времени на =на / =нэ / =но. Она выражает целый спектр значений: актуального настоящего, общего настоящего, а в поговорках и пословицах относит действие во вневременную сферу [ГКЯ 1983: 206–211; ГБЯ 1962: 263–264; Дамбуева 2019: 6; Санжеев 1964: 123].

3.2.1. Рассмотрим примеры с формой на =на в значении настоящего актуального времени:

(17) бур. *Дарима тоһо барижа ороно.*

Дарима тоһо бари=жа оро=но
Дарима масло держать=CV заходить=PR
'Входит Дарима, держа в руках масло' [Дамбуева 2019: 6].

(18) калм. *Бокта яһад амндан ус балһсн юмн кевтэ сууна...*

Бокта яһад амн=дан ус балһ=сн юмн кевтэ суу=на
Бокта почему рот=LOC вода набирать=PP что как сидеть=PR
'Почему Бокта сидит, как в рот воды набравши...' [Мушаев и др. 2019: 23].

(19) х.монг. *Жаа! гэж цаад хүн хэлээд хоёр гардаж сүсэглэн авна.*

жаа гэ=ж цаад хүн хэл=ээд хоёр гар=да=ж
да говорить=CV DEM человек говорить=CV два рука=VBLZ=CV
сүсэг=лэ=н ав=на
складывать.руки=VBLZ=CV брать=PR
'Да, сказал человек, который стоял за ним, и взял обеими руками.'

3.2.2. Форма на =на в значении настоящего общего времени:

(20) х.монг. *Тамирыг сайжруулах сайнчанарын хоол өгнө.*

тамир=ыг сайжруул=ах сайнчанар=ын хоол өг=нө
здоровье=ACC проправлять=PF доброкачественность=GEN питание давать=PR
'Чтобы поправить здоровье, дают усиленное питание' [Тодаева 1951: 106].

(21) калм. *Мана хальмг улс герт ишкрхд, килнц гинэ* [КНК, ЭК, НХ].

мана хальмг улс гер=т ишкр=х=д килнц ги=нэ
мы=GEN калмыцкий народ дом=LOC свистеть=PRP=DAT грех= говорить=PR
'Калмыцкие люди говорят, что свистеть в доме – это грех' [Абдуллаев 2021: 15].

(22) бур. *Ходо айдаһамни хүрэнэ: газаагуур үйлсөөр буу шуу хүрэхэ, хажуугаар энэ доктор ноёншни харааха.*

ходо айдаһамни хүрэнэ газаагуур үйлс=өөр буу шуу
постоянно страх испытывать=PR снаружи улица=INSTR выстрел
хүрэнэ=хэ хажуу=гаар энэ доктор ноёншни хараа=ха
раздаваться=PR.3 сторона=INTSR этот доктор господин ругать=PR.FUT
'Я все время испытываю страх: то на улице раздаются выстрелы, то тут еще этот господин доктор ругается' [ГБЯ 1961: 264].

3.2.3. Форма на =на употребляется для выражения значения обязательного будущего времени (см. об этом подробнее в [Тодаева 1951: 106; ГКЯ 1983: 211; ГБЯ 1961: 264]).

3.2.4. Форма на =на используется для передачи внемерженного действия:

(23) х.монг. *Хөл хөлдөө түшиг болно. Гар гартаа хүч нэмнэ.*

хөл хөл=д=өө түшиг бол=но гар гар=та хүч нэм=нэ
нога нога=DAT=POSS.3 опора AUX:быть=PR рука рука=DAT сила прибавлять=PR

‘Нога ноге – опора. Рука руке прибавляет силу’ [Тодаева 1951: 106].

(24) бур. *Газар болбол Нарые тойрон эргьедэнэж.*

Газар болбол Нар=ые тойрон эргьедэ=нэ
Земля есть Солнце=ACC вокруг вращаться=PR.3
‘Земля вращается вокруг Солнца’ [ГБЯ 1962: 264].

(25) калм. *Үнн кезэдчн үнндэн үлднэ.*

үнн кезэдчн үнн=д=эн үлд=нэ
правда всегда правда=DAT=POSS.3 оставаться=PR.3
‘Правда всегда остается правдой’ [ГКЯ 1983: 207].

3.3. Формы многократного причастия на =даг / =дэг / =дог (бур.), =дг (калм.) и =даг / =дэг (х.монг) передают обычные, постоянные действия субъекта. В бурятском и калмыцком языках они выражают также значение вневременных действий [Бадмаева 2011: 82; ГКЯ 1983: 212; Тодаева 1951: 140]:

(26) бур. *Энэ үнэр гансал ханза нээхэдэл гутадаг.*

энэ үнэр гансал ханза нээ=хэ=д=эл гута=даг
этот запах только сундук открывать=PF=DAT=PTCL появляться=PR
‘Этот запах появляется только тогда, когда открывают сундук’ [Бадмаева 2011: 82].

(27) калм. *Батаг үзх болндан дөөглдмн.*

Бата=г үз=х болндан дөөгл=д=мн
Бату=ACC видеть=PF каждый раз насмехаться=PR=PTCL
‘Каждый раз как увидят Бату, издеваются’ [ГКЯ 1983: 213].

(28) х.монг. *Манай улсад малчин ардуудаа их хүндэтгэдэг.*

манай улс=ад малчин ард=ууд=аа их хүндэтгэ=дэг
мой страна=LOC скотовод арат=PL=POSS.3 очень уважать=PR
‘В нашей стране очень уважают аратов-скотоводов’ [Тодаева 1951: 140].

Форму на =дг называют «настоящим качественным временем», так как ее семантика постоянного действия перерастает в указание на постоянный признак-качество по действию [ГКЯ 1983: 213].

(29) калм. *Туула жилд хурв кичглдмн.*

туула жил=д хурв кичгл=д=мн
заяц год=LOC трижды плодиться=PR=PTCL
‘Заяц в году плодится трижды’ [ГКЯ 1983: 213].

(30) бур. *Загаһан уһан соо амидардаг.*

загаһан уһан соо амидар=даг
рыба вода в жить=PR
‘Рыба живет в воде’ [Цыдыпов 1972; цит. по: Рассадин, Трофимова 2010: 137].

Форма на =дг используется в калмыцких пословицах [ГКЯ 1983: 213]:

(31) калм. *Төмрин сээг давтж меддг, мөрнэ довлж меддг.*

төмр=ин сээ=эг давт=ж мед=дг мөр=нэ довл=ж мед=дг
железо=GEN благо=ACC ковать=CV знать=PR конь=GEN скакать=CV знать=PR
‘Качество железа познается при ковке, а достоинство коня – в скачке’ [ГКЯ 1983: 213].

3.4. Форма причастия на =х / =ха / =хэ / =хо в монгольском языке выделяется как форма настоящего-будущего времени, в бурятском и калмыцком языках она является формой будущего времени [Санжеев 1964: 187]. Контекстуально в бурятском и калмыцком языках она может

выражать значение настоящего неактуального времени. Например:

(32) бур. *Хэбтэһэн хүн хээли алдаха, ябаһан хүн яһа зууха.* (посл.)

хэбтэ=һэн хүн хээр алда=ха
 лежать=PPR человек живот лишаться=PR.FUT
 яба=һан хүн яһа зуу=ха
 ходить=PPR человек кость грызть=PR.FUT
 ‘Лежачий человек хуеет, ходячий человек кость грызет.’

(33) калм. *Күүкд улс гертэ суух, олна көдлми тарад кевтх, тиигж болшиго.*

күүкд улс гер=тэ суу=х олна көдлми
 женщины дом=DAT сидеть=PR.FUT общественная работа
 {тар=ад кевт=х} тиигж болш=го
 {страдать=CV AUX=PR.FUT} так возможно=не

‘Так невозможно, женщины сидят дома, а общественная работа страдает’ [Мушаев 2019: 30].

3.5. Причастные формы длительного действия на =а / =э (калм.) и =аа / =гаа (х.монг.). В калмыцком языке форма на =а квалифицируется как прошедшее-настоящее время, обозначающее действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в момент речи [ГКЯ 1983: 212]. В халха-монгольском языке форма на =аа связана с продолжающимися действиями, охватывающими период до момента речи, включают момент речи и часть будущего времени, выражая широкое настоящее время.

(34) калм. *Кезэ нег цагт бурута-зөвтэһим йилһх гинэд санад йовав.*

кезэ нег цаг=т бурута-зөвтэ=һи=м йилһ=х
 когда один время=LOC виноватый-правый=ACC=POSS.1 выяснять=PF
 ги=һэд {сана=д йов=а=в}
 говорить=CV {думать=CV AUX:ходить=PR=1}

‘Продолжаю думать, что когда-то все равно выяснят, прав я или виноват’ [ГКЯ 1983: 212].

(35) х.монг. *Хүү, хайчиж яваа вэ?*

хүү хайчиж яв=аа вэ
 мальчик куда идти=PR Q

‘Мальчик, ты куда идешь?’ [Тодаева 1951: 139].

Таким образом, поле настоящего времени в монгольских языках включает шесть форм. Формы на =ж бай=, =на и причастная форма на =даг присутствуют во всех трех описываемых языках; причастные формы на =а (калм.) и =аа (х.монг.) являются показателями длительного действия. Кроме них, значение неактуального настоящего времени может передавать и причастная форма на =х (см. табл. 1).

Таблица 1

Формы настоящего времени в монгольских языках и формируемые ими значения

Table 1

The forms of the present tense in the Mongolian languages and the meanings formed by them

Временные показатели	Значения настоящего времени			Вневрем.	Обязат. будущее
	Наст. актуальн.	Наст. общее	Наст. продолжающееся		
=ж бай=	+	–	–	–	–
=на	+	+	–	+	+
=даг	–	+	–	+	–
=а (калм.)	–	–	+	–	–
=аа (х.монг.)	–	–	+	–	–
=х	–	+	–	+	+

Самым широким значением обладает форма на =на. Значение настоящего актуального времени и эвиденциальное значение прямого наблюдения передаются формами на =ж бай= и =на. Формы на =на, =даг, =х, выражающие настоящее общее время, формируют и значение вневременности. Продолжающиеся незаконченные действия передаются причастными формами на =а и =аа.

Заключение

В тувинской и монгольской языковых культурах обнаруживаются типологически значимые семантические соответствия в концептуализации настоящего времени при различии средств их выражения: настоящее время формируется вокруг момента речи, вмещает фрагменты прошлого и настоящего, передавая предел длительного действия; действия в настоящем времени могут быть наблюдаемы говорящим; настоящее время может «растягиваться», выходя за пределы времени до «вневременных» значений; исторические формы не прошедшего времени обеспечивают связь настоящего с будущим; связь с прошедшим временем показывает форма прошедшего-настоящего длительного времени (см. табл. 2).

Таблица 2

Монгольские и тувинские формы настоящего времени и формируемые ими значения

Table 2

Mongolian and Tuvan forms of the present tense and the meanings they form

Временные значения	Сопоставляемые языки и временные формы			
	калм.	бурят.	х.монг.	тув.
1) настоящее актуальное, наблюдаемое	=жана =на	=жа байна =на	=ж байна =на	=п тур= / олур= / чор= / чыдыр=∅
2) общее настоящее	=на =дг	=на =даг	=на =даг	=п турар / олурар / чоруур / чыдар
3) настоящее эвиденциальное	–	–	–	=а-дыр
4) вневременное	=на =дг	=на =даг	=на –	=п турар / олурар / чоруур / чыдар =р
5) будущее	=на =х	=на =х	=на	=р
6) прошедшее-настоящее незаконченное	=а	–	=аа	=бышаан

В сфере настоящего времени тувинского и монгольского языков реализуются следующие характеристики: значение настоящего актуального времени осложнено эвиденциальным компонентом засвидетельствованности действия; значение общего настоящего времени включает компонент длительности. На базе данного значения формируется значение вневременности; формы, способные передавать значение настоящего общего времени, могут выражать и будущее время; формы настоящего-будущего времени, первоначально (исторически) обозначавшие недифференцированную общую сферу настоящего и будущего времени, в современных языках показывают разную степень специализации в сторону будущего времени.

Список литературы

- Абашеев Д. А. Тункинский говор // Исследования бурятских говоров / Ред. Ц. Б. Цыдендамбаев, И. Д. Бураев. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1965. Вып. 1. С. 3–34.
- Абдуллаев С. Н., Мушаев В. Н., Озонова А. А. Структура и семантика оценочных полипредикативных конструкций в тюркских и монгольских языках // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 6–23.
- Бадарч Б. Монголизмы в речи тувинцев Северо-Западной Монголии (лексика материальной культуры) // Экосистемы Центральной Азии: исследование, сохранение, рациональное

использование. Материалы XV Убсунурского международного симпозиума / Ред. Ч. Н. Самбыла. Красноярск: Офсет, 2020. С. 337–339.

Бадмаева Ю. Д. Проблемы идентификации времени, вида и наклонения в бурятском языке // Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков / Отв. ред. Г. А. Дырхеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 80–101.

Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 136 с.

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования. Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.

Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. вост. отд-ния Императорского русского археологического общества. Т. XX. Вып. 2–3. СПб., 1911. С. 169–177.

ГБЯ – Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 340 с.

ГКЯ – Грамматика калмыцкого языка / Отв. ред. Г. Д. Санжеев. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1983. 335 с.

Дамбуева П. П. Категория наклонения как средство выражения объективной модальности в современном бурятском языке // Функционально-семантическое поле модальности (на материале монгольских и тюркских языков) / Ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 5–21.

Дарбеева А. А. Бурятский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 37–51.

Котвич В. М. Исследование по алтайским языкам / Пер. с польск. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 371 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Мушаев В. Н., Имеев В. О., Лиджиева Л. А. Функционально-семантическое поле модальности в калмыцком языке // Функционально-семантическое поле модальности (на материале монгольских и тюркских языков) / Ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 21–36.

Насилов Д. М. Конструкции *-a + турур* в древнеуйгурском языке // Сибирский тюркологический сборник / Отв. ред. В. А. Аврорин. Новосибирск, 1976. С. 42–48.

Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М.: ЯСК, 2014. 174 с.

Ооржак Б. Ч. Модально-временные системы тюркских и монгольских языков: семантические соответствия // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках / Ред. В. Н. Мушаев и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. 152 с. С. 24–48.

Орловская М. Н. Старописьменный монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 18–29.

Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 73–87.

Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум»: Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012. 270 с.

Рассадин В. И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного Сказания Монголов» // «Тайная история монголов»: Источниковедение, филология, история / Отв. ред. Б. З. Базарова, П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1995. С. 108–115.

Рассадин В. И. О тюркском влиянии на развитие монгольских языков // Проблемы исторического развития монгольских языков / Отв. ред. П. О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 105–111.

Рассадин В. И. О монгольских заимствованиях в тюркских языках Южной Сибири // АСТА MONGOLICA / Сост. и ред. И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. С. 2–6.

Рассадин В. И., Трофимова С. М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 180 с.

Саая О. М., Баярсайхан Б. Монгольские антропонимы в тувинском варианте буддийского сочинения «Улегер-Далай» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (41). С. 132–138.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1964. 267 с.

Санжеев Г. Д. О тюркско-монгольских лингвистических параллелях // Советская тюркология. 1973. № 6. С. 73–78.

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1976. 130 с.

Тенишев Э. Р. Алтайские языки // Языки мира: Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 7–16.

Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 196 с.

Цыдендоржиева Б. Д. Практическая грамматика бурятского языка: Морфология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2016. 80 с.

Цыдыпов Ц. Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 298 с.

Ширалиев М. Ш. Азербайджанский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 160–172.

Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 10–18.

Условные обозначения в глоссах

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ABL – исходный падеж, ACC – винительный падеж, AUX – вспомогательный глагол, CV – деепричастие, DAT – дательный падеж, DEM – указательное местоимение, GEN – родительный падеж, INSTR – инструментальный (творительный) падеж, LOC – местный падеж, PAST.PR – прошедшее-настоящее время, PF – причастие будущего времени, PFV – законченный вид, PL – множественное число, POSS – посессивность, POSSV – форма обладания, PP – причастие прошедшего времени, PR – настоящее время, PR.FUT – настоящее-будущее время, PRP – причастие настоящего времени, PTCL – частица, VBLZ – транспонирующий суффикс, Q – вопросительная частица.

References

References

Abasheev D. A. Tunkinskiy govor [Tunka dialect]. In: *Issledovaniya buryatskih govorov* [Studies of Buryat dialects]. Ts. B. Tsydendambaev, I. D. Buraev (Eds.). Ulan-Ude, Bur. kn. izd., 1965, iss. 1, pp. 3–34. (In Russ.)

Badarch B. Mongolizmy v rechi tuvintsev Severo-Zapadnoy Mongolii (leksika material'noy ku'tury) [Mongolisms in the speech of Tuvans of Northwestern Mongolia (vocabulary of material culture)]. In: *Ekosistemy Tsentral'noy Azii: issledovanie, sokhranenie, ratsional'noe ispol'zovanie. Materialy 15 Ubsunurskogo mezhdunarodnogo simpoziuma* [Ecosystems of Central Asia: research, conservation, rational use. Proceedings of the 15th Ubsunur International Symposium]. Ch. N. Sambyla (Ed.). Krasnoyarsk, Ofset, 2020, pp. 337–339. (In Russ.)

Badmaeva Yu. D. Problemy identifikatsii vremeni, vida i nakloneniya v buryatskom yazyke [Problems of identification of tense, type and mood in the Buryat language]. In: *Problemy morfologii i slovoobrazovaniya mongol'skikh yazykov* [Problems of morphology and word formation of Mongolian languages]. G. A. Dyrheeva (Ed.). Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2011, pp. 80–101. (In Russ.)

Baskakov N. A. *Altayskaya sem'ya yazykov i ee izuchenie* [The Altai family of languages and its study]. Moscow, Nauka, 1981, 136 p. (In Russ.)

Budaev Ts. B. *Buryatskie dialekty. Opyt diakhronicheskogo issledovaniya* [Buryat dialects. The experience of diachronic research]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 217 p. (In Russ.)

Dambueva P. P. Kategoriya nakloneniya kak sredstvo vyrazheniya ob'ektivnoy modal'nosti v sovremennom buryatskom yazyke [The category of mood as a means of expressing objective modality in the modern Buryat language]. In: *Funktsional'no-semanticheskoe pole modal'nosti (na materiale mongol'skikh i tyurkskikh yazykov): monografiya* [The functional and semantic field of modality

(based on the material of the Mongolian and Turkic languages): monograph]. G. C. Pyurbeev (Ed.). Elista, Kalm. Univ. Publ., 2019, pp. 5–21. (In Russ.)

Darbeeveva A. A. Buryatskiy yazyk [Buryat language]. In: *Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 37–51. (In Russ.)

Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology]. G. D. Sanzheev (Ed.). Moscow, Vost. lit., 1962, 340 p. (In Russ.)

Grammatika kalmytskogo yazyka [Grammar of the Kalmyk language]. G. D. Sanzheev (Ed.). Elista, Kalm. knizh. izd., 1983, 335 p. (In Russ.)

Grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the modern Mongolian language. Phonetics and morphology]. N. K. Dmitriev (Ed.) Moscow, AN SSSR, 196 p. (In Russ.)

Kotvich V. M. *Issledovanie po altayskim yazykam* [Research on the Altaic languages]. Transl. from Polish. Moscow, Izd. inostr. lit., 1962, 371 p. (In Russ.)

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, 685 p. (In Russ.)

Mushaev V. N., Imeev V. O., Lidzhieva L. A. Funktsional'no-semanticheskoe pole modal'nosti v kalmytskom yazyke [The functional and semantic field of modality in the Kalmyk language]. In: *Funktsional'no-semanticheskoe pole modal'nosti (na materiale mongol'skikh i tyurkskikh yazykov): monografiya* [The functional and semantic field of modality (based on the material of the Mongolian and Turkic languages): monograph]. G. Ts. Pyurbeev (Ed.). Elista, Izd-vo Kalm. un-ta, 2019, pp. 21–36. (In Russ.)

Nasilov D. M. Konstruktsii -a + turur v drevneuygurskom yazyke [Constructions -a + turur in the ancient Uighur language]. In: *Sibirskiy tyurkologicheskiy sbornik* [Siberian Turkological collection]. V. A. Avrorin (Ed.). Novosibirsk, 1976, pp. 42–48. (In Russ.)

Oorzhak B. Ch. *Modal'no-vremennyye sistemy tyurkskikh i mongol'skikh yazykov: semanticheskie sootvetstviya* [Modal-temporal systems of the Turkic and Mongolian languages: semantic correspondences]. In: *Modal'no-otsenochnye konstruktsii v mongol'skikh i tyurkskikh yazykakh: kollektivnaya monografiya* [Modal-evaluative constructions in Mongolian and Turkic languages: a collective monograph]. V. N. Mushaev (Ed.). Elista, Kalm. Univ. Publ., 2021, 152 p. pp. 24–48. (In Russ.)

Oorzhak B. Ch. *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka: monografiya* [The temporal system of the Tuvan language: monograph]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 174 p. (In Russ.)

Orlovskaya M. N. Staropis'mennyi mongol'skiy yazyk [Old-written Mongolian language]. In: *Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 18–29. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Kalmytskiy yazyk [The Kalmyk language]. In: *Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 73–87. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. *Pamyatnik mongol'skogo prava 18 v. "Khalkha Dzhirum": Leksika. Grammatika. Translitoatsiya teksta* [Monument to the Mongolian law of the 18th century. "Khalkha Jirum": Vocabulary. Grammar. Transliteration of the text]. Moscow, Kaluga, Eydos, 2012, 270 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. O tyurkskom vliyaniy na razvitie mongol'skikh yazykov [On the Turkic influence on the development of Mongolian languages]. In: *Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skikh yazykov* [Problems of the historical development of the Mongolian languages]. P. O. Rykin (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2007, pp. 105–111. (In Russ.)

Rassadin V. I. Tyurkskie elementy v yazyke "Sokrovennogo Skazaniya Mongolov" [Turkic elements in the language of the "Secret Legend of the Mongols"]. In: *"Taynaya istoriya mongolov": Istochnikovedenie, filologiya, istoriya* ["The Secret History of the Mongols": Source studies, philology, history]. B. Z. Bazarova, P. B. Kononov (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 1995, pp. 108–115. (In Russ.)

Rassadin V. I. O mongol'skikh zaimstvovaniyakh v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [About Mongolian loanwords in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *ACTA MONGOLICA* I. V. Kul'ganek (Ed.). St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008, pp. 2–6. (In Russ.)

Rassadin V. I., Trofimova S. M. *O sootnoshenii mongol'skikh i tyurkskikh grammaticheskikh elementov v sostave tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti* [On the correlation of Mongolian and Turkic grammatical elements in the composition of the Turkic-Mongolian linguistic community]. S. L. Charekov (Ed.). Elista, Kalm. Univ. Publ., 2012, 180 p. (In Russ.)

Saaya O. M., Bayarsaykhan B. Mongol'skie antroponimy v tuvinskom variante buddiyskogo sochineniya “Yleger-Dalay” [Mongolian anthroponyms in the Tuvan version of the Buddhist work “Uleger-Dalai”]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2021, no. 1 (41), pp. 132–138. (In Russ.)

Sanzheev G. D. O tyurksko-mongol'skikh lingvisticheskikh parallelyakh [On the Turkic-Mongolian linguistic parallels]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1973, no. 6, pp. 73–78. (In Russ.)

Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Glagol* [Comparative grammar of the Mongolian languages. The Verb]. Moscow, Nauka, 1964, 267 p. (In Russ.)

Shiraliev M. Sh. Azerbaydzhanskiy yazyk [Azerbaijani language]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Turkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 160–172. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. *Mongol'skoe yazykovoie vliyaniye na tuvinskuyu leksiku* [Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary]. Kyzyl, Tuvin. kn. izd., 1976, 130 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. Altayskie yazyki [Altaic languages]. In: *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 7–16. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. *Grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka* [Grammar of the modern Mongolian language]. Moscow, AN SSSR, 1951, 196 p. (In Russ.)

Tsyndendorzhieva B. D. *Prakticheskaya grammatika buryatskogo yazyka. Morfologiya* [Practical grammar of the Buryat language. Morphology]. Ulan-Ude, Buryat. Univ. Publ., 2016, 80 p.

Tsydyпов Ts. Ts. *Analiticheskie konstruktzii v buryatskom yazyke* [Analytical constructions in the Buryat language]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1972, 298 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Turetskie elementy v mongol'skom yazyke [Turkish elements in the Mongolian language]. In: *Zap. vost. otd-niya Imperator-skogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1911, vol. XX, no. 2–3, pp. 169–177. (In Russ.)

Yakhontova N. S. Mongol'skie yazyki [Mongolian languages]. In: *Yazyki mira. Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world. Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 10–18. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
9.11.2023*

Сведения об авторе

Ооржак Байлак Чаши-ооловна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

ORCID 0000-0001-8373-9107

Information about the Author

Baylak Ch. Oorzhak – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

ORCID 0000-0001-8373-9107